Рязанцев с Милютиным

Жили-были два купца, Рязанцев с Милютиным. Они жили из окна в окно, значит — суседи. У них детей не было — ни у того, ни у другого. У Рязанцева был обед, съезжались генералы и купечество. И сделали записи: если будет у одного сын, а у другого дочь, то за протчих чтобы не отдавать. И под это дело все подписались, генералы и купечество; только осталось подписаться царю еще… Царь их требует к себе — представить царские ремонты в особенные города. Они с государем срядились и, наконец, подают свои записи. Царь просмотрел и́ху бумагу. — «Подписаться мне нельзя под это дело! Если родится у первого умный, а у другого будет дурак, не ладно будет! Я подпишу эту бумагу и оставлю ее у себя: если умные дети родятся у вас, у того и другого, тогда я их могу сообшить вместе».

Наклали они царских ремонтов, отправились в особенные города. Приезжают домой, у них жены, та и другая, обрюхатели (как ветром надуло). Уродился впоследствии время у Рязанцева сын, а у Милютина дочь. Рязанцеву священник дал имя Ва́нюшкой, а Милютиной — Катей. Сделались рады после этого. И вот они также — один без другого чаю не напьются — ходили.

Вырос эдак годов до десятку у Рязанцева Ванюшка. Сдумал отец у него ехать торговать в особенные города. Нагрузил он 12 кораблей товаров, набрал себе рабочих — лоцманов и приказчиков. Приезжает он в Англию и раскладывается торговать в английском городе. Поторговал этак лет с шесть. В воскресный день с приказчиками чайничать сел. Приказчикам говорит сначала: «Я, господа приказчики, думаю в свой город Питербург явиться из Англии». — Приказчики на ответ сказали: «Мы дивимся тому делу, как ты долго дюжишь, — один сын и одна жена дома у тебя, шесть лет ты проживаешь здесь!»

Они склали в корабли товары, отправились домой. Выехали середь моря на своих кораблях, корабли их стали. И сколько бы они ни старались, а корабли с места никуды. И бились трое сутки на этем месте. На четвёртые сутки Рязанцев вышел из кораблей наружу и кричал в воду, что «если такой хитник держит наши корабли, если что надо, мы заплатим, только не держи!» — Из воды кричит человеческим голосом: «Не надо нам ни злата, ни се́ребра, твоих товаров не надо, а самого Рязанцева в воду! За то

корабли и судярживаем!» — Рязанцев отвечал до трёх раз, а они также ему повторили до трёх раз, что «ничего нам не надо, окроме тебя! Самого тебя в воду!»

Рязанцев заходит в свою конторку, сучинил бумагу: «И кто жил за сто рублей, если доставит мои товары жене домой, тот получил человек двести рублей», — всякому человеку удвоил цену. Передаёт главному приказчику. Сам срядился в белую рубашку и подштанники (все равно как на смерть срядился). Выходит наружу и прощался со всем народом и с белым светом. Тогда пал в море. Корабли все равно как с крюков снялись, пошли в ход. Рязанцев остался на воде, бьётся, как лебедь, не тонет. Главнейший его приказчик взял подзорную трубу и говорит: «Если мне воротиться на корабле, то опять корабь судёржит. Погибай же голова одна, чем нам гинуть!»

Рязанцев из ума выбился, до той степени (маялся), и вдруг очудился около острова. Рязанцев вышел на берег, прославил Бога: «Слава Богу! Не потонул хоть (на сухой берег вышел)!» Снимает с себя портки и рубашку, выжал, повесил на солнце. Высохла рубашка скоро и подштанники его; надел он на себя рубашку и подштанники, отправился край берега: надо пищи искать чего, с ним ничего нету! — Рязанцеву попала тропа.

Пошел он по этой тропе, доходит до хорошего дома. Стоит дом каменный и двухэтажный. И он по нижному этажу по всем комнатам прошел, нигде не видит народу и куска хлеба не нашел. Заходит он в верхний этаж и видит в первой комнате: прилиплен на стене потрет — деви́ца. Подходит к этому потрету, читает; в потрете доказано, что Рязанцеву на этой девице жениться, в здешнем доме. — «Если ты меня не возьмёшь, — Рязанцев доказывает в потрете, — так мы тебя убьём здесь, из дому не выпустим!»

Перешел он в другую комнату. В другой комнате еще получше этого есть потрет, девица получше этой. Доказывает эта девица то же самое: «Если ту не возьмёшь, так меня возьми! А если нас не возьмёшь, так мы тебя убьём!»

Он перешел в третью комнату. И в третьей такой потрет, что получше его жены. «Рязанцева, — говорит, — жалеем; если уж тех не возьмёшь, так эту возьми!» — третью.

Рязанцев на то сказал: «Неужели мне еще Господь доведет во второй раз жениться? Да ладно, я с потретами разговариваю, а есть ужасно хочу, просить не у кого!» — Вдруг очудился стол и на столе самовар, графин

водки и всего — жареного и пареного. Он напился, наелся; покуль Богу морился, убрали со стола, и не знаю кто. И он этому делу сдивился. Увидел он диван, лёг на него спать, уснул очень крепко.

Вечера слышит: брякают колокольчики — едут к нему невесты. А перед Рязанцевым очутилась свеча и стуло. И приходят три девицы. Первого потрету девица подходит к нему: «Рязанцев, возьми меня! (Целует-милует.) Здесь богатства боле и твоего!» — «Отойди ты от меня! Неужели я во второй раз буду жениться! Небаска́я, нехорошая! Есть у меня жена почище тебя!»

Второго потрету подходит, целует, и милует, и приговаривает: «Рязанцев, белый свет тебе не надоел, так возьми меня в замужество! Не возьмешь, так мы тебя кончим здесь!» — Рязанцев не берет и эту.

Третьего потрету подходит, целует и милует, со слезами уговаривает его: «Послушай, Рязанцев, не надоел же тебе белый свет! Не хуже я твоей жены, чем не лучше! Тебе жизь будет хорошая, прокладная здеся!» — Рязанцев на ответ сказал ей: «Вы оставьте до завтрего: я на море намаялся, из ума выбился. А завтра я из вас хоть которую возьму!»

Поутру — солнце встало, на рассвете — Рязанцев встал, ходит по комнатам. Нужно Рязанцеву умыться и утереться, а утереться и воды не может найти, а попросить не у кого. Тогда очудилась на стене рукотерка, также и рукомойка. Умылся, Богу помолился и сказал: «Ах, вчерась я ел хорошо, а сегодни кто меня будет кормить?» — Образовался сейчас стол, на столе самовар, графин водки и так же натащили жареного и пареного ему: ешь что угодно! Он напился, наелся, вылез изо стола; Богу покуль морился, убрали со стола, и не знаю кто. — «Хотя, — говорит, — я людей не вижу, а кормят меня хорошо! Пойду я по комнатам: которая мне комната заглянется, в той я буду и проживаться!»

Зашел он в одну комнату, комната аккуратная; на полу много щепок. Взял он метёлку, начал заметать (обихаживать для себя). И видит: в щепах карта винновый валет. Из виннового валета вышло три ухореза и говорят: «Здравствуй, Рязанцев!» — Рязанцев на то сказал: «Братцы, я еще только здесь (в первый раз) людей вижу!» — А эти молодцы́ сказали: «Мы не люди, а ду́хи! Что ты желаешь, мы исправим! А если ты не будешь нас посылать, мы тебя убьем самого!»

Рязанцев на то сказал: «Братцы, вы меня не предоставите ли самого в город Питербург?» — «Дак ведь еще что! Выйди на балхон, завяжи свои глаза белым платком — через час там будешь!» — Рязанцев приходит на балхон, сидел с час время. И час время проходит; время открывать глаза. Он открыл глаза и видит: не на балхоне, а около Петербургу на елане очудился (не успели в город затащить-то). Тогда Рязанцев прославил Бога: «Хотя я теперь и недолго поживу, а все-таки дома!»

И только выходит на дорогу и вдруг встречу ему едет его сват Милютин. Кучер обознал, Милютину говорит, что твой сват идет раздетый, в одной рубашке. Милютин приказал ему приостановить лошадей и поздоровался с ним. Кучер приостановил лошадей. — «Здравствуешь, господин сват Рязанцев! Что я вижу? Над тобой несчастие сделалось?» (Что общипан-оборван.) — Рязанцев Милютину сказал, что «если, может быть, поверишь, обскажу я тебе, что надо мной сделалось! Ехал я вперед морями, много страсти видал. Потом я, — говорит, — свои корабли пустил морями, а сам отправился на ямских. (Недействительно сказывает он ему, начал обманывать.) Последняя станция; попали лошади, видно, молодые, начали с места нас бить: всю карету изломали и кучера убили. Я, — говорит, — кое-как вылетел, всё с себя скинул: в рубашке и босиком ловчее мне выскочить (это все, — говорит, — лопоть я сбросил с себя)». — «Жене тебе показаться неловко! Хотя я на дело поехал, садись со мной, приоденься в лавках!» — Милютин обратился назад, повез его в город.

В своих лавках он обрядился в купеческую одежду тогда. Тогда он явился к своей жене. Жена его крикнула своим лакейкам — живо поставили самоварчик, натащила ему всякого кушанья, начали угощать его. Жена угощала и спрашивала: «Милый ладушка, хотя я тебя встретила, сердце у меня не на месте: явился гол как сокол ты!» — На то Рязанцев сказал жене: «Милая моя! Вперёд я ехал (морями), много страсти видал; теперь мои корабли идут морями, а я приехал на ямских». — На то ему жена сказала: «Если и корабли не придут, милый ладушка, так у нас и то есть чем жить, лишь бы ты жив был!»

Они проживались до той степени — корабли их тогда приходят уже на пристань. Требует приказчик Рязанчиху товары примать. Рязанцев запрягал лошадь, садил сына и жену, являлся сам на пристань. Тогда он по имени называл, по изотчеству всякого величал, что «спасибо! Предоставили мне товары и казну!» — Подавали письмо Рязанчихе, что «мы не признаем его за хозяина; непременно прильстился к тебе нечистый дух наместо хозяина:

есть у нас от хозяина письмо». — Передают ей письмо.

Она смотрит и говорит: «Почему же ты мне объяснил не так?» — Сказал он ей на то: «Вам дела нет, как бы я ни прибыл! Я сам ваш хозяин! Если я нечистый дух, то сотворите молитву и нечистый дух должон отдалиться от вас! (Не скажу я вам, как я приехал! Дела вам нету!..) Кто жил за сто рублей, тот получит триста рублей, еще по сотенке прибавляю. Каждому человеку утрояю я цену. Только выгружайте корабли — товары! После этого пируйте трои сутки (на мой счет), только не запивайтесь! После трёх суток являйтесь ко мне на расчёт!» — И вот он на четвертые сутки их рассчитал: которому принаследно жить, которому отходить.

Сходил Рязанцев в стеклянный завод, о́тлил себе стеклянную шкатулку; взял на базаре ваты; взял виннового валета, оклал его ватой и запер в эту шкатулку. Запер эту шкатулку в комод и от комоду ключ (бросил) в море, чтобы никто не входил. — «Нечего, — говорит, — мне нечистым духом ворочать! У меня своих денег хватит!»

Нечистые духи после этого начали Рязанцев морить; слёг он хворать и помер скорым времём. После этого дела Рязанчиху начали морить, и она захворала; и ее кончили скоро. Молодого мальчишка погодить морить: пущай он отеческим капиталом поторгует! Торговля идет Ванюшке хорошая.

Не через долгое время духи ему в по́лдни приходят все трое. Поздоровались с ним, и он также: «Что, — сказал, — покупаете у меня?» — «Мы не покупать пришли, а в гости тебя звать!» — «Куды ж вы меня в гости позовёте?» — «Мы позовём тебя в гости в трактир (наперво)». — «Я в трактир не пойду!» — «А в трактир не за худыми делами. Тут есть особая комната: съезжаются купечество (торговые) и прибывают тут генералы. («Гостиный дом» называется.) Да тогда вы можете спросить: в каких городах товары можно купить подешевле?» — «А что же, денег взять с собой?» — «Нет, денег не нужно: мы тебя на свои попотчуем». — Согласился Ванюшка с ними идти. Запер лавки и пошел в трактир.

Приходит в трактир, духи и говорят, что «половой, поднеси нам всяких вин, жареного и пареного, всякого десерту!» — Как он зе́лена вина не пивал от роду — спился, сделался пьяный (Ванюшка). Подвели они ему то, что как будто сидят генералы, сидят купечество; говорят ему: «Вот, Ванюшка, можешь с ними и посоветоваться; не для худых дел мы тебя подвели». (Даром что никого нету.) — Ванюшка спился пьяной, лёг и лежит. А духи

отправились, половому наказали: «Его не шевельте тут! Что караул стоит, мы утром придём и заплатим».

Утром рано духи приходят; половой бежит: «Что нужно?» — «Нужно нам ту же самую комнату! Принесите нам всяких вин и всякого десерту!» — Разбудили Ванюшку: «Ванюшка, не нужно так! Видел вчера: хорошие сидят люди. Нужно поговорить и отправиться домой!» — Ванюшку только опохмелили, распростились и ушли. И Ванюшка домой ушел. Приходит домой, чаю понапился, пошел в лавку торговать (Ванюшка).

«Я вчерась был в трактире: у солдата денег немного, а каку́ фрейлину себе подхватил! (Значит — гулеванку.) А если взять мне тысячу или две, так я первого лица себе даму найду! А если дождаться мне их, подлецов, то мне даму не попросить при них (стыдно, говорит, будет)!» — Приходит в трахтир. — «Что угодно?» (половой и говорит). — «Мне нужно даму; приведите фрейлину и чтобы был всякой десерт!» — Приходит 20 девиц: выбирай любую; которая понравится, ту и возьми! Он выбрал себе хорошего лица даму, моложавую, посадил против себя и начал угощаться вином. Девица сколько вина не пьёт, а больше вина подаёт. (Они знают, чего делать-то: с деньгами пришел — выудить охота.) Споила его допьяна, деньги у него вытащила, велела половому за трахтир его выбросить.

Идут полицейские, увидали Рязанцева Ванюшку, стали будить. Ванюшка проснулся. — «Что за люди?» — «Вставай, мы тебя поведём в арестантскую, что ты не валяйся ночным быто́м здесь!» — Ванюшка сказал: «Сведите вы меня домой, а завтра приходите ко мне в лавку; я с вами разделаюсь (рассчитаюсь)». — Поутру чаю напился, отправился в лавку торговать. Полицейские приходят; он надавал им всякого товару и денег: «Только не конфузьте меня, не говорите, что я в трактире был!»

После этого денег взял немало: «Не возьму я эту, возьму другую! С другой не лучше ли будет?» — Приходит Ванюшка в трактир. «Что надо?» — «Мне комнату, всяких вин и закусок! Мне фрейлину хорошую!» — Приходит девица хорошего лица, садится против него. — «Душечка, — говорит, — мы сё дни с тобой полюбуемся!» — И сколько она сама вина не пьёт, более ему подаёт. Споила допьяна, деньги выудила и его за трактир приказала половому вытащить. И эти же полицейские опять свели его домой, за деньги. Поутру рано проспался, чаю напился, пошел в лавку торговать. Не стали уже его в трактир пущать; стал по мелким б...ам соваться и по кабакам. Деньги все измотал, стал товары продавать. До того дошел, что всю домашность решил, у него нечем стало жить.

Милютин пошел на него с жалобой к царю, что «я не отдам свою дочь за него». — Царь говорит, что «я его назавтрева спрошу. Что ты мне ранее не сказал? Я бы его на сокро́ту!» — Повечеру Ванюшка приходит пьяный. С ним был отставной солдат, звали тоже Иваном. — «Что ты, Ванюшка, дался в пьянство, в распутство! А ты бы образовался, по крайней мере!» — начал старик учить его, солдат. — «Есть у меня отеческие деньги, ста-полтора; я тебе дам, не расторгуешься ли на них? Возьми пряничков, орешков!» — Солдат дал ему полтораста рублей; он пошел в б...в, все их прокутил. Потом, значит, приходит поутру пьян, опохмелиться нечем.

«Ох, дядя Иван, тащи на базар диван! Купи полштофа водки! А дадут лишку, так купи еще рыбину на ушку!» — «Ох ты, Ванька-дурак! Я все берег на похороны полтораста рублей! Отеческие деньги дарёны, а ты все пропил!» — «За эти хоромы нас и всяк похоронит!» — на то сказал Ванюшка («дом-де у нас хорош»).

Потащил дядя Иван диван на базар продавать. — «Когда он продаст, я пойду по комнатам, не найду ли что хорошего продать?» — Доходит он до комода. — «Ах, кабы сила у меня была этот комод вытащить! — скричал бы: — Налейте, братцы, четверть! Всяк бы налил!» — Увидал в комоде шкатулку, а в этом комоде ключа нет. Не подорожил он стеклом, ударил своим кулаком по стеклу, достал шкатулку. — «Вот шкатулочка форменная! Охотнику если продать, полштофа дадут мне за нее! А если, может, у родителя не заперто ли тут золото? Был у меня родитель капитальный». Ударил шкатулку об пол — шкатулка его расшиблась, в шкатулке образовалась вата. — «Эх, — говорит, — прежде, как я отеческим капиталом торговал, так этой ватой ж...у только подтирал!» — Развернул он эту вату и видит: винного валета карта.

Из винного валета вышли духи, три человека: — «Здравствуешь, Ванюшка!» — «А вы откуль, братцы?» — «А вот, — говорят, — отца твоего уморили, и мать твою, и тебя до того довели, что и у тебя ничего нет. Если можешь нами править, так правь, а не можешь, так мы тебя кончим!.. Поди в ту комнату, в которой проживаешь, лежит у тебя на столе одежды много купеческой, денег сот пять рублей!..» — «Вот бы мне еще самоварчик, две чашки позолочены, сахару и чаю! Да бутылку водки на похмелье мне, больше, — говорит, — я пить вина не буду!»

Дядя приходит, бутылку вина приносит и рыбину ему. — «Ах, Ванюшка, у тебя еще и деньги есть?» — «Неужели же я их все пропил! Да нам денег с тобой навеки не прожить!» — «Вот что, Ванюшка, отдай мне полтораста

рублей, мои деньги!» — «Возьми все 500 рублей! Не жалею!» — Отсчитал себе полтораста рублей. — «Ты, дядя, со мной не живи, поди на куфню! Когда я скричу обедать, тогда и иди!»

Выходят духи. — «Мы тебя, Ванюшка, будем учить!» — «Ну, учите!» — Духи говорят, что «придет к тебе от царя посланник солдат, будет тебя требовать к царю на совет. Смотри, он будет принуждать тебя жениться, а ты скажи: мне жениться не время, я еще отеческий капитал все поверяю!» (Он ладно поверяет!..) Посланник ушел, он посулился прибыть. Дал он солдату сто рублей денег за проходы. Солдат к царю приходит, объясняет, что «он не пьян, а дал мне сотенку на сапожки, вот за проходы».

До вечеру доживает и говорит: «Чтобы меня собрать получше царя самого!» (Начал храпужить!) «Предоставить чтобы мне тройку лошадей и с кучером». — Тройка лошадей подбегает и с кучером: карета вся на золоте, так же и дужка позолочена. Едет он городом — много народу из домов выбегали и смотрели: что за рыцарь едет? Посланники прибегают к царю: «Такой-то рыцарь едет в гости, — как его прикажешь встретить?» — «Заедет к нам во дворец — принять его пóд руки, завести в мое зало и посадить со мной рядом!»

Царь спрашивал: «Из каких ты родов? Из какого королевства?» (Думал, что какой королевский сын.) — «Ваше Царское Величество! Не смейтесь надо мной! Я Иван Васильич Рязанцев сын, по требованию Вашему! Что изволите у меня спросить?» — «А что, Иван Васильич, ты теперь грамотный?» — «Грамотный!» — «Есть у меня отеческие записи, не угодно ли просмотреть вам?» — «Да, Ваше Царское Величество, покажите, я посмотрю». — Дали ему записи. Он просмотрел, сказал, что «хорошо отцы наши сделали!»

Царь на то ему сказал: «Тебе, Иван Васильич, время жениться!» — «Мне жениться, Ваше Царское Величество, не время!» — «Почему не время?» — «Потому не время, что я отеческий капитал все еще поверяю». — Царь ему на то сказал: «Слыхом земля полнится. Слыхал, что ты наполнил отеческими деньгами трактиры, и кабаки, и б...и». — Рязанцев сказал: «Ваше Царское Величество, если хочете меня знать, задумайте где-нибудь собор класть и потом пошлите завтра по нашему брату, по купечеств — то узнаете и меня!» — Царь его за это похвалил. — «Ты теперь отправься домой, а я заутрю́ пошлю генерала по купечеству».

Приезжает домой и говорит: «Духи, вы сегодняшнюю ночь притащите тысяч 30 денег, и у меня в дому чтобы было украшено одним словом хорошо!

Чтобы два стула было на золоте и две чашки позоло́чены, чтобы было генерала угостить мне чем!» Поутру Ванюшка встаёт, у него все готово: наслаты ковры на полу и убраты драгоценными камнями, стены под лак подведёны — вроде зеркала глядись; два стула на золоте, две чашки позолочены и денег подтащили 30 тысяч ему.

Поутру́ приходит к нему генерал. А у него для генерала самоварчик готовый. Генерал приходит — боится и на пол стать, какое у него украшение. Поздоровался с Рязанцевым. Рязанцев пригласил его с собой чай пить; чай пить он не сел: «В каждом мне дому садиться — этого много будет!.. Пришел я по вчерашнему завещанию: что можешь ты на собор приложить?» — Рязанцев сказал: «Вы, Ваше Высоблагородие, записывайте, кто сколь приложит? Дайте мне записи, я просмотрю!» — и кто от щедрости десятку, кто пятитку, кто сотенную, а его тесть Милютин приложил один рубль серебра только. Он генералу говорит: «Генерал, посоветуйся со мной: меня тесть считает пьяницей, а сам приложил один рубль серебром только! Мне остаётся одну четь копейки только подписать. Я не приложу ничего. Пущай царь завтра меня еще на совет позовёт. А тебе на сапожки сотенку дам, за проходы». — Генерал приходит и сказал, что «все приложили, а Рязанцев четь копейки не приложил, мне сотенку дал на сапожки... Ну, да мы завтра его еще призовем на совет».

Поутру приезжают к Рязанцеву (посланные духами) хохлы на 12-ти подводах на быках; и флаки казённые. Выходил солдат Иван, прибегал к Ванюшке и сказывал об этих хохлах. Ванюшка сказал: «Ступай, дядя, скажи им, что быков кормить здесь некогда, пущай они поедут на свалку!» (Куды им принаследно сваливать, значит.) Тогда ехали хохлы Петербургом к царскому дворцу. Тогда генерал усмотрел и сказал, что «едут с казной неизвестно куда, а флаки наши!» — «Хорошо!» Царь приказал спросить, что они везут и куды? — Генерал приезжает и спрашивает. — «Мы везем золото!»—хохлы отвечают. Он не поверил, спросил другого. — «Мы везем во дворец золото царю». — Он спросил третьего. Третий соскочил, его нагайкой: «Что же ты лезешь к нам насильно?»

Генерал приезжает к царю с жалобой, что «дураки не дураки едут: одного спросил, он мне сказал, другого спросил, он меня матюком, а третий — нагайкой». — Царь на то сказал: «Били тебя, да и мало! Едут они безо всякого конвоя, а ты лезешь к ним! Должон первого спросить и оборотиться назад!.. Встреть! Если никакой подмеси нету у них, спасибо скажи!»

Царь не мог утерпеть, сам вышел поглядеть золото. Которую бочку ни раскуборит, хорошее золото. Царь сказал: «От кого это золото? За чего прислато?» — «Прислато это золото от Рязанцева купца на собор, 12 бочек». — Тогда царь сказал: «Вот, считаем мы дураком его! Смотри, дворный генерал, садись скорей на лошадку да привози его сюда на совет!»

Дворный генерал живо садился на лошадку и являлся к Рязанцеву-купцу. Приезжает к Рязанцеву, просил его поскорее к царю на совет. Рязанцев сказал: «За тобой же следом явлюсь, а на твоей лошадке не поеду!» — Рязанцев сказал своим духам: «Снарядите меня почище царя и карету предоставьте ту же самую и с кучером!» — Карета прибегает, садился в карету и явился к царю.

Царь его приказал встретить таким же манером, завести в зало и посадить с ним рядом. Царь ему говорит: «Послушай, Иван Васильич! Время тебе жениться! Чем тебе одному жить, женись!» — Сказал Иван Васильич: «Я не возьму ее, распишуся!» (Милютин запросватал свою дочь за генерала.) — «Куды она знаёт, туды и ступай, когда тесть считает пьяницей меня». — Расписался в этом деле.

Царь ему говорит: «Я тебе чин дам (что много золота приставил)!» — «Какой же ты мне чин дашь?» — «Дам тебе чин генерала, будешь ты у меня генералом служить». — «Нет, я не принимаю чин генерала, это мне будет затруднительно: отеческий капитал некогда будет поверять. Лучше я тебе буду по тысяче рублей на день на армию выдавать; а военной службы я не знаю... Вы и думаете, что эти деньги, 12 бочек золота, у меня отеческие магазины навалены меди доверху, мне навеки не прожить!» — «Все-таки я тебе за это чин дам». — «Какой же чин?» — «Я тебе чин дам городничина. Вот это, городничина получишь, будешь каждый день в Синод съезжаться и за одним столом кушать будем». — На это он согластен. Потребовал на него галуны и назначил его Городничиным; и приказал будку выстроить, чтобы около его дома караул был (чтобы часовы солдаты стояли день и ночь).

«Духи, неужели я сроду буду не женат?» — Духи ему сказали: «Вот тебе на три вещи! На эти три вещи обманывай свою невесту записную!» — Вечер приходит; и как они жили из окна в окно, он вывесил из окна золотые серёжки (над окном). Усмотрела невеста серёжки: «Пойду я их поторгую! Завтра с генералом мне будет на вечеринке хорошо сидеть!» — Приходит к окну. — «Записной ты мой женишок, Иван Васильич Городничин! Не продажны ли у тебя серёжечки? Продай мне!» — «Не продажны! Зайди ты в мою комнату, поцелуй меня умильно, — я тебе в подарочек дам!» —

Поцеловала, взяла серёжки, приходит в свои комнаты, надела у уши и видит, что очень хорошо.

Потом он вывесил золотые янтари, — «Пойду, поторгую: завтра мне с Городничиным будет на вечеринке сидеть хорошо!» Приходит: «Записной ты мой женишок, Иван Васильич Городничин! Не продашь ли мне золотые янтари?» — «Не продажны, а заветны! Зайди ты в мою комнату, поцелуй меня умильно, я тебе в подарочек дам!» — Поцеловала умильно, взяла янтари; приходит (домой), золотые янтари надевает на себя, глядит в зеркало; ей очень хорошо поглянулось.

Вывесил он золотой перстень после того. Она приходит: «Записной ты мой женишок, Иван Васильич Городничин, не продажный ли у тебя перстень?» — «Зайди в мою комнату; родились мы с тобой в одни часы и минуты, выдают тебя теперь за генерала за старика, отдаешь честь старику! Отдай лучше мне». — Согласилась; ему и честь отдала. — «Послушай, твое дело девичье; сними эту стану́шку, я тебе дам свежу, мамонькину; а завтра очаг затоплю, сожгу!» — Она отправилась после этого домой.

Поутру́ Милютин отправился царя на вечеринку звать к себе. Царь ему сказал: «Если дозволит мне Городничин, так я поеду: пущай он мне записку пришлёт! Я повечеру не обязан ехать, Городничин меня за это судить будет?» (Царь будто бы отваливает от себя.) Приходит Милютин домой и сказывает своей жене: «Вот кого нам не надо, а царь велит его звать!» — Тогда Милютин отправился его звать.

Приходит в его комнаты, боится и по́ полу пройти. А у него для тестя и самоварчик готов. Поздоровался с Городничиным и говорит: «Желаю я тебя к себе на вечеринку, царь приказал; и царь велит тебе записку дать, чтобы царь на вечеринку прибыл». «Неужели я царя больше? Пущай же царь пришлет мне сам записку, велит прибыть — тогда и я буду готов. Я царя не больше!» — (Тоже его не шибко обгудаешь, видно!) Милютин во второй раз пошел царя просить к себе на вечеринку. Тогда царь написал записку: «Пущай Городничин готовится на вечеринку», — ему передать велел. Милютин приходит, передает. — «Вот я теперь буду готовиться к тебе!»

Вечер приходит. — «Духи, предоставьте мне золотую карету и тройку лошадей с кучером! И круг дому чтобы были фонари и чтобы часовые солдаты стояли!» Повечеру царь приезжает к Милютину. Только в дом заезжает, также и Рязанцев заезжает. Они вылезают из карет, поздоровались с царем, взяли рука по руку, заходят в милютино зало.

И всем стулья и место, а Городничину стула нету; все по местам сели, а Городничину стоять приходится. Царь видит, что непорядки, из-под себя стуло вытянул, подал его Городничину. Тогда царю подали стуло другое.

Стали обносить водкой и угощать всяким бисертом народ. Купечество хвасталось деньгами и товаром, в пирах, а генералы хвастались своими деньгами. (Напьешься — похвастаешься.) Все перехвастались. Царь на то сказал: «Теперь, Городничин, нам приходится похвастать, напоследе! А все-таки тебе, Городничин, наперёд хвастаться: ты помлаже меня маленько!»

Сказал Городничин: «Мне хвастаться нечем! Мое дело молодое, я по городам по чужим не бывал, ничего не видал, нечем и хвастаться!» — А Милютина жена выскочила и говорит: «Ваше Царское Величество! Он много бывал по трактирам, и по кабакам, и по б...ам, и этим можно похвастаться!» — Царю сделалось это конфузно. «Не тебя спрашивают, твое дело бабье, молчать! По крайней мере он предоставил 12 бочек золота на собор, а вы дали всего один рубь серебра! Он вас купит всех!»

Всё-таки похвастаться (надо). — «Да, — говорит, — есть у меня чем похвастаться! Послушать есть чего! Как вы выбрали меня в городничины, захотелось мне погулять по городу с кучером. Выехали мы за город в такой палисад. По этому палисаду бежит чернобурая лисица. У меня отеческий пистолет хороший. Как я полыснул, лисица с копылков долой. Только подбегаю к ней, она соскочила, убежала. Зарядил во второй раз. Едем дальше. Бежит другая чернобурая лисица. Как полыснул, и эта с копылков долой (застрелил, значит). Только подбегаю к ней, хочу ее за уши взять, она убежала, и эта.

В третий раз зарядил. Едем ещё дальше. Попала опять лисица нам, третья. Эту как полыснул, с ног долой и не трепеснулась что есть. Что и сделал? — Кожу-то с нее снял, а мясо еще могло убежать». — Тут все захлопали в ладоши: «Неправду сказал!» (Не верят.) — «Это я могу вам на прахтике показать, мясо и кожу!» — «Это было бы хорошо; показал бы нам, мы бы лучше поверили!» — Он вынимает эту самую станушку, а станушка была именная, Милютиной дочери. — «Вот, говорит, — я как отеческим пистолетом как пласнул, — говорит, — вишь, дробь разлетелась».

Тогда царь понял в этом деле. Приказал генералу вылезти, а Городничину за стол сесть с Милютиной дочерью. — «Когда умел честь взять, так и невеста твоя!» — Генерал вылез, а он залез к ней за стол. Матери с отцом не шибко охота, а деваться некуды!

Утром повенчались, завели пировку.

(Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.